

ВОПРОСЫ
ГРАММАТИЧЕСКОГО
СТРОЯ

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

•

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *Е. И. Чукина*

•

РИСО АН СССР № 9-89В. Сдано в набор 30/XI 1954 г.
Подп. к печ. 30 IX 1955 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 30,25 = 41,43. Уч.-издат. л. 33,9. Тираж 12000.
Т-08233. Изд. № 789. Тип. зак. № 1337.
Цена 21 р. 85 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21. •

1-я типография Издательства Академии наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ

А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове	11
Б. А. Серебrenников. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции	54
Н. С. Поспелов. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи (На материале современного русского языка)	74
А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)	92
Р. И. Аванесов. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы	113
П. С. Кузнецов. Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания	140

II. ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ

М. Н. Петерсон. О частях речи в русском языке	175
Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках	188
К. Е. Майтинская. К вопросу о категории падежа (На материале финно-угорских языков)	226
Н. И. Фельдман. Отыменные послелоги в современном японском языке	250
К. А. Левковская. О специфике префиксации в системе словообразования (На материале немецкого языка)	299
М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (На материале истории немецкого языка)	322
А. А. Юлдашев. Категория глагольного вида в башкирском языке	362

III. ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка)	389
В. Н. Ярцева. Предложение и словосочетание	436
О. С. Ахманова. Словосочетание	452
В. В. Пассек. К вопросу о соотношении между редукцией окончаний и выдвиганием синтаксических средств в английском языке	461

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1955

Редакционная коллегия:
академик *В. В. Виноградов*,
доктор филологических наук *Н. А. Баскаков*,
доктор филологических наук *Н. С. Поспелов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Вопросы грамматического строя» — один из очередных теоретических сборников Института языкознания Академии наук СССР — состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен вопросам теории грамматики, второй раздел — морфологии, третий — синтаксису.

В первой части помещены статьи, касающиеся общих вопросов грамматики: анализа грамматической природы слова, типов грамматической абстракции, соотношения между грамматическими категориями и частями речи, между лексикой и морфологией, морфологией и фонетикой, грамматикой и сравнительно-историческим языкознанием.

В открывающей сборник статье А. И. Смирницкого «Лексическое и грамматическое в слове» рассматриваются вопросы взаимосвязи и взаимодействия в слове лексического и грамматического элементов его структуры. Автор исходит из утверждения, что слово выступает в качестве основной единицы языка как в словарном его составе, так и в грамматическом строе, и подчеркивает, что грамматическая оформленность есть существенный признак каждого слова, хотя и не каждое слово имеет определенную грамматическую форму. В анализе грамматической структуры слова автор устанавливает принципиальное различие между парадигматической схемой слова, характеризующей грамматическое изменение слов, образующих грамматическую группу, и грамматическими различиями между словами, которые определяются конкретным образованием одних и тех же грамматических форм. Выясняя детально взаимодействие между лексическим и грамматическим моментами в слове, автор последовательно разграничивает собственно-грамматические и лексические категории.

Статьи Б. А. Серебренникова и Н. С. Поспелова посвящены анализу различных типов грамматической абстракции и проблеме грамматических категорий и частей речи. Б. А. Серебренников в статье «К проблеме типов лексической и грамматической абстракции» останавливается на роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов и грамматических форм, а также применения способов грамматического выражения. На большом материале автор показывает, как в различных по словарному составу и грамматическому строю языках разнообразно проявляется принцип избирательности. Автор подчеркивает роль структуры языка и внутренних законов его развития для лексического формирования и грамматического оформления того или другого слова.

Н. С. Поспелов в статье «Соотношение между грамматическими категориями и частями речи» показывает, каким образом части речи как лексико-грамматические разряды слов объединяются в группы общими для них грамматическими категориями, представляющими собою характерные для грамматического строя каждого языка обобщения грамматических значений. На материале современного русского языка автор иллюстрирует, как категориями времени и наклонения объединяются глаголы, краткие прилагательные и слова из «категории состояния».

Статьи А. А. Реформатского и Р. И. Аванесова освещают проблему соотношения и связи грамматики языка с его фонетической структурой.

А. А. Реформатский в статье «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)» исходит из разграничения фонетического и морфологического «ярусов» в структуре языка. Поэтому, в интерпретации автора, фонема, рассматриваемая в условиях позиций, оказывается высшей единицей в фонетике, а рассматриваемая вне позиций — выступает как низшая единица в морфологическом анализе.

Отвергая структуралистическое понятие морфемы, как ненужное, автор видит в морфонологии «пограничную зону» между фонетикой и морфологией. Центральным вопросом связи фонетики и морфологии является, по мнению автора, вопрос о тождестве или нетождестве морфем, которое может иметь различные ступени.

В статье «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы» Р. И. Аванесов основное различие между грамматикой и фонетикой усматривает в том, что грамматика имеет дело со значимыми единицами языка, тогда как фонетика изучает звуковые единицы, не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка — слов и морфем. Автор проводит принципиальное разграничение двух типов позиционных чередований: параллельных, не имеющих общих членов, и непараллельных, пересекающихся. На основе этого разграничения автор выдвигает понятие фонемного ряда как элемента звуковой оболочки морфемы в отличие от фонемы как элемента звуковой оболочки отдельного конкретного слова. Таким образом, фонемный ряд, в понимании автора, выступает как связующее звено между морфемой и фонемой.

Первый раздел сборника завершается статьей П. С. Кузнецова «Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания», разъясняющей значение грамматических исследований при установлении генетически сходных черт родственных языков. Автор подчеркивает особенное значение для сравнительно-исторического изучения языков данных морфологии и показывает, какую большую роль играют при анализе грамматического строя родственных языков и их исторического развития типологические исследования. Касается автор в плане своей темы и ряда смежных вопросов: соотношения между грамматическим строем и словарным составом языка, взаимодействия грамматики и фонетики,

вопроса о границе слова, проблемы устойчивости грамматического строя и закономерного характера его изменений.

Во втором разделе сборника представлены статьи, в которых освещаются различные вопросы морфологии (включая и словообразование) на материале отдельных языков: проблема частей речи, категория падежа и послелогов, категория глагольного вида, аналитические глагольные конструкции, специфика префиксации в системе словообразования.

В статье М. Н. Петерсона «О частях речи в русском языке» ставится вопрос о закономерности развития частей речи в русском языке в связи с выяснением соотношения между различными разрядами самостоятельных и несамостоятельных слов русского языка. В качестве материала для исследования автором взяты «Повести Белкина» А. С. Пушкина. Исследуемый материал подвергнут статистической обработке.

В статье «К проблеме частей речи в тюркских языках» Э. В. Севортян, учитывая различные тенденции грамматической дифференциации частей речи в отдельных тюркских языках, дает сравнительную оценку применения морфологических, синтаксических и семантических критериев при классификации частей речи тюркских языков. При учете морфологических критериев автор предлагает обратить внимание на словопроизводные формы; в качестве основного синтаксического критерия выдвигается положение части речи в словосочетании; отказываясь от лексической семантики как классификационного признака частей речи, автор считает грамматическое значение слова основным критерием при выделении частей речи.

В статье К. Е. Майтинской разъясняются типические ошибки в трактовке категории падежа, обусловленные пренебрежением к морфологической форме падежа или связанные с переоценкой последней, когда обнаруживается, наоборот, пренебрежение к грамматической функции падежа, неразграничение различных функций падежа или не учитывается различие между управляемым и свободно употребляемым падежом. Особо останавливается автор на критериях различения падежных окончаний и послелогов и на вопросе о развитии падежей в связи с переходом послелогов в падежные окончания или с отмиранием отдельных падежных форм.

Н. И. Фельдман в статье «Отыменные послелогии в современном японском языке» после обстоятельного обзора учения о японских послелогах у японских, западноевропейских и русских ученых дает оригинальную трактовку проблемы послелогов в современном японском языке и делает ряд критических замечаний о постановке проблемы послелогов в советском монголоведении и советской тюркологии.

В статье К. А. Левковской рассматривается специфика префиксации в ее взаимоотношении с суффиксацией в немецком словообразовании. На основе критического рассмотрения последних работ по немецкому словообразованию и анализа фактического материала автор возражает против приравнивания префиксации к словосложению; специфику глагольной

префиксации К. А. Левковская усматривает в ее связи с парадигматическим оформлением глагольного слова.

М. М. Гухман в статье «Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова», опираясь на строгое разграничение морфологии и синтаксиса в советском языкознании, предлагает четко различать сочетания полных слов от служебных и вспомогательных слов. После критического рассмотрения трактовки аналитических глагольных конструкций зарубежными и советскими лингвистами автор рассматривает процесс образования аналитических глагольных конструкций в истории немецкого языка, отграничивая данные конструкции как явления морфологические от составного глагольного и именного сказуемого.

А. А. Юлдашев в статье «Категория глагольного вида в башкирском языке» на материале одного из тюркских языков стремится найти положительное решение одного из самых спорных вопросов тюркологии. Черты глагольного видообразования автор усматривает в морфологизированных сочетаниях глагольных основ в форме деепричастий со служебными глаголами различных лексико-грамматических разрядов, разделяя подобные сочетания на две большие системы форм — совершенного и несовершенного вида. Совершенный и несовершенный виды в башкирском языке автор в большинстве случаев интерпретирует как лексические эквиваленты грамматических категорий, хотя и приходит к общему выводу, что в целом совершенный и несовершенный виды являются неоспоримой частью грамматической системы тюркского глагола.

Последний раздел сборника составляют статьи синтаксического характера. Раздел открывается общетеоретической статьей акад. В. В. Виноградова «Основные вопросы синтаксиса предложения», в которой автор определяет предложение как предмет синтаксиса, анализирует основные грамматические признаки предложения: предикативность и интонацию сообщения. Предикативность рассматривается автором как отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, находящая выражение в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Автор подвергает критике попытку противопоставить понятию «предложение» понятие «фраза». Особые разделы статьи посвящены вопросам о структуре и членении предложения — сложносочиненного, сложноподчиненного и бессоюзного.

В статье В. Н. Ярцевой «Предложение и словосочетание» характеризуются эти две основные синтаксические единицы в их взаимоотношении, а также различия между компонентами словосочетания и членами предложения. Статья касается также и вопроса о переходе свободных словосочетаний во фразеологические единицы. Анализ различных типов словосочетаний дается на материале исторического синтаксиса английского языка.

Статья О. С. Ахмановой «Словосочетание» представляет собою теоретический анализ понятия словосочетания, которое автор, следуя

В. В. Виноградову, отчетливо отграничивает, с одной стороны, от сочетания слов в предложении, а с другой, от понятия синтагмы. На материале скандинавских языков автор показывает, как разграничиваются синтаксические словосочетания и предикативные конструкции, формирующиеся в составе предложения.

Последняя статья этого раздела «К вопросу о соотношении между редукцией окончаний и выдвиганием синтаксических средств в английском языке» принадлежит В. В. Пассеку.

Автор возражает против широко распространенного в зарубежной германистике мнения, воспринятого и рядом советских германистов в период господства так называемого «нового учения» о языке, что звуковой утрате окончаний всегда должно предшествовать семантическое ослабление окончаний, которое, в свою очередь, является следствием выдвигания синтаксических средств выражения. Анализом большого языкового материала из истории английского языка (в сопоставлении с данными современного русского языка) автор показывает, что звуковая утрата падежных окончаний не сопровождалась их семантическим ослаблением.

Итак, как это видно из общего обзора содержания статей, в задачу сборника входит, во-первых, исследование некоторых основных вопросов грамматического строя, проводимое на материале какого-либо одного языка с тем, чтобы результаты этого исследования могли быть использованы в процессе анализа того же явления в других языках, во-вторых, разработка конкретных вопросов грамматического строя определенного языка в общем плане изучения его грамматических проблем и, в-третьих, теоретическая консультация по основным проблемам грамматики для преподавателей общего языкознания и конкретных языков в вузах.

Этот сборник Института языкознания Академии наук СССР, конечно, не претендует на полноту охвата всех основных вопросов теории грамматики. В нем отражены только первые результаты изучения вопросов грамматического строя различных языков на общих и единых методологических основах марксистского языкознания. Естественно, что, несмотря на общие методологические установки, в сборнике имеются статьи с различными точками зрения на то или иное грамматическое явление. Это объясняется разными аспектами и подходами к изучаемым фактам языка, что не противоречит, однако, основным положениям советского языкознания.

Перед языковедами Института языкознания АН СССР и всех других научных учреждений Советского Союза стоит задача дальнейшего углубленного исследования вопросов грамматического строя конкретных языков во всем многообразии проявления их внутренних закономерностей.

I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

ЛЕКСИЧЕСКОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ В СЛОВЕ

1. Слово как основная единица языка

Не случайно человеческий язык нередко называют языком с л о в: ведь именно с л о в а, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем «строительным материалом», без которого немислим никакой язык; и именно с л о в а изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка¹. Таким образом, слово выступает как необходимая единица языка и в области л е к с и к и (словарного состава), и в области г р а м м а т и к и (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово.

В области словарного состава слово является той единицей, которая представляет собой отчетливо выделяемый, в связи с достаточной его оформленностью, кусок строительного материала языка, как бы своего рода «кирпич», по выражению Л. В. Щербы. Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова; словосочетания же, как правило (т. е. если оставить в стороне известные готовые сочетания — фразеологические единицы), уже выходят за пределы словарного состава языка: для них характерна принадлежность их к определенным речевым произведениям, создаваемым в процессе применения языка, а не к языку как таковому, как к применяемому с р е д с т в у².

В области грамматического строя слово является той единицей, к которой в первую очередь относятся закономерности этого строя, прилагаются грамматические правила.

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1954, стр. 23—24.

² Правда, также и слова могут создаваться в процессе применения языка и, не получив общественного признания, оставаться принадлежностью отдельных речевых произведений, т. е. не входить в состав языка. Но для слов это как раз не характерно.

Очень важно отметить, что конкретные предложения, т. е. предложения, состоящие из данных определенных слов и имеющие данные грамматические формы, являются уже речевыми произведениями, т. е. не составными частями или единицами языка, а продуктами его применения теми или иными людьми, в тех или иных условиях, для достижения тех или иных целей. Они принадлежат не языку (хотя и «делаются из языка»), а той сфере человеческой деятельности, в которой в каждом данном конкретном случае применен язык, и потому они, естественно, нередко имеют, в классовом обществе, определенную классовую направленность. Выдвижение марровским «новым учением» о языке, особенно И. И. Мещаниновым, предложения как важнейшей единицы языка (наряду со словом, а нередко и преимущественно перед словом) являлось одним из моментов, способствовавших утверждению псевдомарксистских, лженаучных марровских положений о надстроечном и классовом характере языка. Исходя же из марксистского учения о языке, верно отражающего объективно существующие основные черты состава и строя языка, можно утверждать, что предложению как конкретной целой единице нет места в языке: ему, понятно, нет места в словарном составе; но ему нет места и в грамматическом строе, уже потому, что здесь мы имеем абстракцию от конкретности слов. В грамматический строй языка входят не конкретные предложения, а закономерности образования предложений, и, говоря о сочетании слов, И. В. Сталин указывает также на то, что они сочетаются, соединяются в предложения. И предложения, конечно, не исключаются из поля зрения языкознания: в них изучается и словарный состав языка, и его грамматический строй. Но они изучаются не как целые единицы — произведения, во всей их конкретности, а как материал, в котором представлены различные единицы языка, в частности и законы образования предложений в отвлечении от конкретности последних¹. Отсюда ясно, что предложение не может выдвигаться как единица, конкурирующая со словом в качестве единицы именно языка: оно вообще как целая единица не имеет места в языке, не является собственно языковой единицей.

Слово, таким образом, будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя, представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны. Отношение между обоими этими моментами, между этими сторонами слова и есть тема данной работы.

II. Слово как единица языка с лексической и с грамматической точки зрения

Каждое слово с лексической точки зрения выступает как данная, конкретная, индивидуализированная единица, отличная от других единиц того же порядка, т. е. от других слов; так, например, в нужных случаях

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

берутся именно слова: *дом, лошадь, синий, плакать, там*, а не слова: *том* и *сарай*, *конь* и *верблюд*, *синеватый* и *зеленый*, *плавать* и *рыдать* или *смеяться*, *так* и *здесь* и пр.

Слова могут изменяться, т. е. выступать в виде определенных разновидностей. Само собой понятно, что грамматическое изменение слова, т. е. существование слова в виде различных его грамматических форм, не нарушает тождества слова, так как оно лежит в иной плоскости, в области грамматического строя, а не словаря, не лексики, и не затрагивает частного и конкретного в слове. Но одно и то же слово может варьировать и в плане лексическом: возможны не разные грамматические формы, а разные (лексические) в а р и а н т ы слова; ср. *стихотворенье* / *стихотворение*, *кентавр* / *центавр*, *лиса* / *лисица*, *зеленый* (зеленого цвета) / *зеленый* (незрелый) и пр. Конечно, между вариантами одного и того же слова и особыми, разными словами возможны переходные случаи и одно из этих отношений может развиваться в другое¹. В общем, однако, оба отношения (между вариантами одного слова и между разными словами) следует различать: в случае вариантов внешнее различие не выражает различия в значении (*кентавр* / *центавр*), а если имеется семантическое различие, то оно внешне не выражается, и притом разные значения оказываются связанными между собой (*зеленый* в разных значениях). В случае же разных слов, наоборот, внешнее различие оказывается выражающим различие в значении (*дом* — *том*, *синий* — *синеватый*), а если внешнего различия нет, то разные значения являются не связанными между собой: имеется лишь омонимия (*ключ* «родник» — *ключ* «инструмент»)².

Слово как единицу словарного состава нельзя, однако, рассматривать т о л ь к о как некоторую конкретную, особую единицу, отличную от других аналогичных единиц. Отдельные слова, как известно, могут находиться в самом словарном составе языка в разных отношениях друг к другу (например, в отношении антонимии, синонимии — более или менее полной, в различных словообразовательных отношениях). В связи с этим могут более или менее четко выделяться различные лексические группы и типы, разряды слов (например, имена деятеля, имена действия, слова с приставками, с удвоением корня и т. п.). Таким образом, и в области лексики имеется известное о б о б щ е н и е частных случаев. Но конкретность слова здесь все же полностью не исчезает: отвлечение от всякой конкретности слова, как указывает И. В. Сталин³, является отличительной чертой грамматики.

Поскольку слово рассматривается с лексической точки зрения, постольку, разумеется, происходит отвлечение от различных грамматических моментов, связанных с данным словом. Так, когда мы берем слово *дом*

¹ Ср. В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. III, 1944, вып. 1.

² Подробнее см. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема тождества слова). «Труды Ин-та языкознания», т. IV, 1954.

³ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

именно как слово — единицу лексики, как лексему, мы отвлекаемся от того, что *дом* как таковое представляет собой собственно лишь определенную грамматическую форму данного слова, в частности — именительный падеж единственного числа (в других случаях — винительный). В качестве лексемы данное слово в одинаковой мере является данным словом в любой своей грамматической форме: с лексической точки зрения *дом=дому=домом=дома=домами* и пр., так как различия здесь только грамматические.

Вместе с тем, однако, нельзя забывать, что грамматическое оформление слова есть существенный признак слова¹. Отвлекаясь от грамматических частных, от отдельных грамматических форм, мы и в области лексики не можем рассматривать слово без общей его грамматической характеристики.

Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна́, окну, окна* и пр., но не *окн-*: последнее есть не слово, а только основа его, только известная его часть.

Отвлекаясь в грамматике от какой-либо конкретности отдельных слов, мы все же имеем в виду «слова вообще», т. е. не отвлекаемся от слова как определенной единицы языка, в частности единицы его лексики². Подобным же образом, подходя к слову с лексической стороны, мы отвлекаемся от грамматических частных, так сказать, от «грамматической конкретности», т. е. от отдельных грамматических фактов, но мы не можем не иметь в виду определенного «общего эффекта» той совокупности грамматических фактов, связанных со словом, которая существенна для его выделения как данного слова. Так, например, с лексической точки зрения безразлично, какие падежи имеют слова *дом, окно* и чем эти падежи различаются, но тот факт, что у этих слов вообще есть падежные формы, играет роль в их характеристике как существительных, а через это — и как данных конкретных слов; и, в частности, *дом* как отдельное законченное слово выступает в связи с этим иначе, чем «беспадежное» *дом-* в слове *домработница*.

Что касается слова в его отношении к грамматическому строю языка, то, как уже было отмечено выше, отвлечение от какой бы то ни было конкретности слова не означает отвлечения от слова вообще. Абстрагируясь от всего конкретного в слове, можно сказать, что с грамматической точки зрения *дому=городу=парусу* и пр. (подобно тому, как, напротив, с лексической точки зрения *дому=дом=домом* и т. д.). Но то, что падежно-числовая грамматическая форма, которую мы находим в *дому* так же,

¹ Ср. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема отдельности слова). Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М.—Л., 1952, стр. 201 и др.

² См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24; грамматика «даёт правила об изменении слов, имея в виду... вообще слова без какой-либо конкретности».